

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 446–453

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 446–453

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-4-446-453>

Научная статья

УДК 821.161.1.09-3+929[Зайцев+Чехов]

«Чехов» Б. К. Зайцева: авторская концепция и композиция «жизнеописания»

А. И. Ванюков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Ванюков Александр Иванович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, ai_vanyukov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7140-4542>

Аннотация. В статье анализируется книга Б. К. Зайцева «Чехов» (1954) как романизованная биография, «жизнеописание». Особое внимание обращено на авторскую концепцию и композицию книги, состоящую из 15 глав с заглавиями, 54 субглавок/фрагментов; рассмотрены художественные смыслы и своеобразие повествовательного целого «жизнеописания».

Ключевые слова: автор, жизнеописание, книга, композиция, поэтика заглавий, герой, главы, фрагмент, число, композиционный ритм

Для цитирования: Ванюков А. И. «Чехов» Б. К. Зайцева: авторская концепция и композиция «жизнеописания» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 446–453. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-4-446-453>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

***Chekhov* by B. K. Zaitsev: The author's concept and composition of 'biography'**

A. I. Vanyukov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Aleksandr I. Vanyukov, ai_vanyukov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7140-4542>

Abstract. The article analyzes the book by B.K Zaitsev *Chekhov* (1954) as a novelized biography, a 'life story'. The author's concept and composition of the book, consisting of 15 chapters with titles, 54 subchapters / fragments, are given a special emphasis; the artistic meanings and originality of the narrative of a complete biography are considered.

Keywords: author, biography, book, composition, poetics of the titles, main character, chapters, fragment, number, compositional rhythm

For citation: Vanyukov A. I. *Chekhov* by B. K. Zaitsev: The author's concept and composition of 'biography'. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 446–453 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-4-446-453>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В богатом и многообразном творческом наследии Б. К. Зайцева (1881–1972) важное место занимают «жизнеописания» «Жизнь Тургенева» (1929–1931), «Жуковский» (1947–1949) и «Чехов» (1954), каждое из которых имеет собственную идею жизни героя, писателя, поэта, творца, мастера слова (статьи А. Л. Цуканова¹), а все вместе, взятые в единстве, складываются в определённый авторский, зайцевский, цикл, повествовательную, биографическую трилогию, глубоко раскрывающую особенности художественного мышления, своеобразие эпического таланта автора (работы Ф. Степуна², О. Н. Михайлова³, В. М. Толмачёва⁴ и др.).

Художественная стратегия и «магический кристалл» этого типа/жанра повествования были точно и чётко сформулированы в заглавии первой

книги «Жизнь Тургенева» (см. статью А. В. Яркоковой⁵). Здесь же были найдены и раскрыты основные принципы повествовательной композиции. «Жизнь Тургенева» состоит из 17 глав (без обозначения нумерации), заглавия которых фиксируют – в движении – главные содержательные события в жизни героя. Причём внутри повествования складывается характерный жизненно-композиционный ритм: по пять глав. Каждая глава имеет собственную динамику и структуру.

«Чехов» Б. К. Зайцева (1954) продолжает и развивает структурную поэтику «Жизни Тургенева» (1931), обогащая и совершенствуя все её слагаемые (о теме «Чехов и Зайцев» см. работы Ю. А. Драгуновой⁶, И. А. Минаевой⁷).

Книга открывается большой главой «Даль времён», состоящей из пяти фрагментов/субглав

вок, в которых по слову заглавия и раскрывается «даль времён» чеховского рода, семья героя и его ранние годы. Камертон повествования летописен и хроникален. «Какая-то Ольховатка, воронежская глушь в Острожском уезде <...> И вот к XVIII возникает имя, первое в народной тьме Евстратий Чехов <...> Тут всё легендарно, начинающая с имени Евстратий <...> Род во всяком случае своеобразный, с уклоном иногда и необычным»⁸. Заканчивается первый фрагмент явлением в «наш мир Чехова Антона, сына Павла Егорыча» (332). Во втором фрагменте автор представляет отца – Павла Егорыча и мать – Евгению Яковлевну, семью («семья их была большая» – 333) юного гимназиста: «пышущий здоровьем и жизнью – Антон Чехов». Характерно, что автор сразу же отмечает свою личную память в повествовании о чеховской семье, сестре А. Чехова, Маше, Марии Павловне: «Её милое лицо с карими, умными глазами помню и в Мелихове и в Московском Литературном Кружке полвека назад» (333). Здесь же возникает образ Таганрога и чеховского таганрогского детства: «... с ранних лет видел жизнь такой, как она есть: оранжереи не было» (334). «Павел Егорыч давал детям религиозное воспитание неудачно, это бесспорно, и в этом некая драма» (335). Автор-повествователь выделяет понятие «наружный» (курсив в тексте. – А. В.) гимназист Антоша Чехов» и формулирует один из важных принципов повествования: «А что в Чехове под внешним жило и внутреннее, <...> это увидим ещё, всматриваясь в его жизнь и писание» (336). Третий небольшой фрагмент – таганрогский («захолустный и скучный южнорусский город» – 336), в поездках «открывалась ... степь, окружение родного Таганрога» – «Он о ней скажет позже по-настоящему» (336). «Повседневность же шла по-прежнему» – «Антон один остался в Таганроге кончать гимназию. Начались первые его самостоятельные годы» (337). В четвертом фрагменте характеризуются эти «нелёгкие годы»: «чувство же семьи не ушло. И никогда у него не уйдёт»; «жил, разумеется, более чем скромно. Свободой пользовался, но всё время должен был отстаивать и достоинство своё, и независимость» (338); «Все юные изображения Чехова говорят о здоровье, физической привлекательности и силе. Для слабой же половины человечества было в нём особое обаяние» (339). Пятый фрагмент первой главы завершает таганрогский период жизни Чехова и связывает семейно с Москвой: «... из Москвы вести шли плохие. Родители и братья бедствовали <...> Весной 1879 года он кончил «учение», получил даже стипендию города Таганрога <...> и уехал в Москву» (340).

Вторая глава называется «Труба», состоит, как и первая, из пяти фрагментов и представляет читателям «трубный» период московской жизни Чехова, т.е. жизнь в районе Трубной площади. Автор как знающий краевед/москвовед даёт образ этого района: «... место странное, а по-своему и

живописное <...> Труба славилась своим птичьим рынком» (341). «Старшие сыновья, студент Александр и художник Николай, жили отдельно <...> Бедствовали, ссорились, упрекали друг друга» (341). «Обо всех этих горестных пустяках отписывал Александр Антону <...> Александр впал в *птичничество*» (курсив в тексте. – А. В.) (343). Что за прелесть это слово! Во втором фрагменте повествуется об отношениях братьев Александра и Антона. Старший уже «подрабатывал» в журналах, «Антон стал присылать ему кое-какие мелочи» (343). А главное – Александр дал отзыв о присланной Антоном драме «Безотцовщина»: «две сцены отработаны гениально» и «твоя драма ложь» (343). А Евгения Яковлевна «чувствовала материнским сердцем, что весь ключ жизни семьи в Антоне» (344). В третьем, большом фрагменте автор живописует образ Антона Павловича «студента Московского университета»: «Факультет выбрал самый трудный, медицинский» (344). «Университет и наука давала ему, после Таганрога, конечно, много нового. Некоторую *религию науки* (выделено в тексте, концептуальное определение автора. – А. В.), так стеснявшую потом его философствования, он начал усваивать на этом медицинском факультете?», «но пора было и зарабатывать. Тут проявилось *трудничество* (курсив мой. – А. В.) его замечательное» (346). «Он подписывал творения свои “Антоша Чехонте”» (346). Чехов попал к Н. А. Лейкину, в «Осколки», складывался «осколочный» жанр, шла пора «юмористики» (346) – «Лейкин оказался на первых порах не вреден, скорей даже полезен» (347). Четвёртый фрагмент характеризует творчество, рассказы Чехова «трубной» жизни: «с 1880 по 1888 в пяти книгах оказалось 173 рассказа <...> Рассказы стали больше, серьёзней и печальней – юморист, как и полагается, оборачивался меланхоликом» (347). Б. Зайцев выделяет два «трубных» рассказа: «В Москве на Трубной площади» («это собственно *жизнь*» – курсив в тексте. – А. В.) и «Припадок», написанный позже и опубликованный в сборнике памяти Гаршина: «... рассказ несколько a these и это выпирает – против проституции» (348) (отмечает Б. Зайцев), «и всё же художник в нём неизбежен» («описание первого снега» – «художнически это лучшие строки в рассказе» – 349). И, как пишет автор, «от этого “Припадка” ведёт уже дорожка к “Сахалину” и дальше, дальше» (349). Небольшой пятый фрагмент фиксирует драматический конец «Трубной полосы» жизни Чехова: «В 1884 году Чехов окончил Московский университет, вышел врачом. Кончилась и Трубная полоса его жизни. В конце этого года у цветущего и крепкого, казалось, молодого человека, случилось первое кровохарканье» (349).

Третья глава называется «Доктор Чехов» и состоит из четырёх фрагментов, которые и представляют это жизненное явление – «доктор Чехов». Брат Иван «получил место в городке

Воскресенске, недалеко от Москвы» (349), ему дали большую квартиру, и «вся семья могла приезжать к нему на дачу» (349). «Воскресенск, как и Звенигород, сыграли в его жизни некую роль – и по медицинской части, и по литературной» (349), – сразу же отмечает автор-повествователь и живописует эти места: «Это приятные места» (350); «С 1881 года Чехов, ещё студент, работал летом в земской больнице под Воскресенском», «позже, в 1884 году, уже врачом, трудился в самом Звенигороде» (350). В этом контексте возникают рассказы «Хирургия», «Сирена», «Мёртвое тело» и имение Бабкино, в котором «Чеховы дачниками провели три лета 85-го, 86-го и 87-го годов» (351). А тут уже общение с Левитаном («С Чеховым все три бабкинских лета он очень дружен» – 352), Чехов его «прогуливает» (352). Второй фрагмент посвящён общению с детьми Киселёвых: «Саша (девочка) и Серёжа» (353). «След внимания и любви, дошедшей до нас, – произведение “Сапоги всмятку” <...> Написанные именно для этих детей» (354). «Первая его встреча и дружба с детьми – это именно с киселёвскими» (354). Третий фрагмент даёт линию перехода от Бабкино («вот, например, путешествие Чеховых из Москвы в Бабкино» – 354) к Москве, «семейной» жизни («Жизнь же семьи в Москве всё больше и больше окрашивалась Антоном Павловичем» – 354), отношению к братьям Александру и Николаю: «оказались в некотором роде крестом Антона Павловича» (355), «семейных забот оказалось у Чехова в эти переходные годы немало» (курсив мой. – А. В.) (356). Четвёртый фрагмент объясняет и подводит предварительные итоги врачебной деятельности «доктора А. П. Чехова»: «Русская медицина того времени была очень проникнута духом человеколюбия <...> Голова могла быть полна Дарвином, из сердца никогда не уходил дух Евгении Яковлевны» (357). «Дар Чехова был так жив, беспорочен и своеобразен, что требовал выбора для “сокровища-сердца”. Первая книжка его рассказов называлась “Сказки Мельпомены” (Антоша Чехонте) – И уже из-под них вырастали “Пёстрые рассказы” – нового прекрасного писателя: Антона Чехова. А тот, кто написал её, не мог уже сойти со своего пути. Доктор Чехов кончался» (358).

Четвёртая глава «Рост, первая слава» также состоит из четырёх фрагментов, которые последовательно показывают содержание заглавия. Первый фрагмент начинается с истории письма от Григоровича: «... великая хвала за то, что он Чехова рано отметил и письмом своим воодушевил» (359), включает житейский сюжет: «С осени 1886 года поселился он в двухэтажном особнячке на Кудринской-Садовой»; «В этом доме на Кудринке началась большая литература Чехова» (360) и завершается размышлениями автора-повествователя о том, что «само заговаривало в писании его» («Счастье», «Свирель»). «А где смысл, где истинная правда, в точности не знал» (361);

«Чехова по-настоящему занимало лишь то, как построить рассказ, как получше написать фразу» (369) – вот догадка. Второй фрагмент рисует этапы роста Чехова-писателя: «“Панихида” в “Новом времени”», близость с Сувориним («письма к Суворину – самое интересное в его переписке» – 361), выход книги «Пёстрые рассказы», успех в Петербурге, книжка рассказов «В сумерках», знакомство с Коршем и явление «на свет Божий “Иванова” – “Иванов” утвердился в репертуаре» (364), снова Петербург («известность его продолжала расти» – 364), знакомство с писателем Щегловым-Леонтьевым («Жан» – «Антуан» – 365). Третий фрагмент – вдохновенная история работы Чехова над «Степью» и проникновенное авторское прочтение повести: «Это один из шедевров его» (366), «по всему повествованию разлита радость изображения Божьего мира – загадочного и страшного, как гроза, но и прекрасного» (367). Четвёртый фрагмент показывает цену успеха («“Степь” имела большой успех» – 368), получил Пушкинскую премию Академии в половинном размере, 500 рублей – и «судьба дала грозный свой знак почти в те же дни: «у меня кровохарканье», «в крови, текущей изо рта, есть что-то зловещее, как в зареве» (369).

Пятая глава «В пути» (основная идея – идея пути) уложена в три фрагмента: в первом Чехов едет на юг: Орёл, Курск, Таганрог, Донецкая Швейцария, Славянск, монастырь Святые горы («Литературе Святые горы дали “Перекаати-поле”» – 371). Во втором – «путь» продолжается: имение Линтварёвых на берегу Псёла (371) («Ловил рыбу да писал письма – отсюда есть интереснейшие к Суворину <...> он Чехова возбуждал в духовной области и в искусстве» – 372), А. Н. Плещеев в усадьбе, «в июле 1888 года он уехал к Суворину в Феодосию» (374), затем странствие по Черноморскому побережью, «добрался до Тифлиса, побывал в Баку» (375). Третий фрагмент показывает противоречия внутренне, духовного пути («бездну чувствовал» – 375), смерть брата Николая, бестолковое путешествие в Одессу, возвращение «в Луку к Линтварёвым», работа над «повестушкой»: «Эта “Скучная история” – вещь замечательная, для него в некотором роде роковая: как бы верстовой столб на пути» (377). Автор-повествователь последователен в своём изображении духовного и художественного пути Чехова: «Художник и человек Чехов убил доктора Чехова <...> “Скучная история” в своём роде “Палата № 6”... Точно так держался и позже, с “Чёрным монахом”» (378). Так складывается первая треть жизнеописания Чехова.

Центральная, срединная часть книги также состоит из пяти глав: от «Сахалина» до «Вновь Мелихово». «Сахалин» продолжает чеховский сюжет «дороги». В первом фрагменте главы автор-повествователь показывает созревание мысли «о Сахалине»: «Просто взять и поехать на край света, в ледяную страну, к погибаю-

щим и погибшим – рассказать о них <...> Сел и уехал на Сахалин» (380). Второй фрагмент рисует длинную сибирскую дорогу и три месяца на Сахалине – «с отверженными и их стражами» (382): «Радуетесь за Чехова, когда покидает он, наконец, этот проклятый Сахалин» (384); «Литература получила от путешествия на Сахалин конец замечательного “Убийства”, рассказы “В ссылке” и “Гусев”» (384); «Его действенный и живой Бог, живая идея было человеколюбие» (385); «Внутренне же поездка произвела на него действие огромное» (386). Небольшой третий фрагмент показывает итоги Сахалина: «Поездка подорвала здоровье Чехову, но для самой каторги оказалась полезной <...> Сахалин вызвал сенаторскую ревизию каторги» (386).

Вторая глава этой части не случайно называется «Отдых»: это европейское путешествие Чехова 1891 года: Вена, Венеция, Флоренция, Рим (первый – восторженный – фрагмент), Франция (Ницца, Монте-Карло, Париж) («остался у него какой-то мутный осадок» – 390), лето в Алексине, в «великолепном имении Богимово» (390) – «он написал за богимовское лето очень много»: «Бабы», «Дуэль»: «“Дуэль” построена не как хроника, а скорее как пьеса» (393); «Вся внутренняя направленность “Дуэли” глубоко христианская» (391). Третий, небольшой фрагмент – итоговый: осень в Москве, «пёстрая, шумная жизнь» – и письма «народной любви» (394).

Далее идёт третья (в этой центральной пятёрке глав) глава «Первый год Мелихова», также состоящая из трёх фрагментов. «Весной 1892 года он купил <...> небольшое имение Мелихово», это был «подмосковный» мир, и само Мелихово стало «подмосковной Чехова» (395), – так автор-повествователь (Б. Зайцев) начинает повествование о мелиховском периоде Чехова. «Весна весной, хозяйство хозяйством, всё-таки он прежде всего писатель. Среди всех скворцов и весенних зорь <...> и ощущений рая, он написал один из самых страшных своих рассказов “Палата № 6”» (396). А заканчивается первый фрагмент Пасхой, пасхальной службой: «Пела вся семья Чеховых, Антон Павлович тоже <...> от красоты и поэзии самого богослужения всё-таки не мог отказаться <...> В том же письме пишет он о скворцах» (397). Содержание всего второго фрагмента – участие Чехова в борьбе с голодом: «Чехов, после спокойного лета в Богимове, осенью 1891 года в дела голода вошёл основательно» (397); «устроил сборник в пользу голодающих, собирал деньги и сам, писал о голоде» (397); «летом 92-го года вместе с голодом появилась холера» (399); «холера до его участка не дошла <...> С эпидемиями тифа, дифтерии, скарлатины пришлось много бороться» (400). Второй фрагмент заканчивается размышлениями автора-повествователя (как бы вместе с Чеховым) «о писании своём» (400), о целеполагании писательства: «Давняя тоска Чехова по Божеству <...> но внутренней цельности в нём

не было <...> Продолжается это до конца дней» (401). Третий небольшой фрагмент подводит итоги первого года в Мелихове: «Год в Мелихове кончился <...> Да и хотя сажал вишни и яблони, и чувствовал себя собственником и с корнями, а всё же <...> захотелось ему и вдаль» (401).

Четвёртая глава центральной части называется «Лица, “Чайка”», по заглавию связывает жизненный и творческий аспекты чеховской биографии и состоит из пяти фрагментов (большая). «Лидия Стахивна Мизинова, подруга Марии Павловны, появляется в доме Чеховых в начале девяностых годов» (401), – так автор-повествователь начинает историю Лики («В дружеском кругу её звали Ликой» – 402), стремясь познакомить читателя со всеми материалами, касающимися начала этой человеческой истории (фотографии, письма 1892–1893 гг.), и своим, авторским пониманием ситуации: «Лица хорошо Чехова поняла. Она ему очень нравилась, но не достаточно для решительного шага» (403); «Слишком был художник, <...> слишком дорожил свободой и слишком был подвержен рассеянному эросу» (403). Начало второго фрагмента представляет Игнатия Николаевича Потапенко, «беллетриста малороссийского происхождения» (404), жизненная любовная история получает новый поворот: «сейчас приехали Потапенко и Лица. Потапенко уже поёт» (декабрь 93-го, 403); «В начале 94-го он уехал в Париж. Лица и подруга её <...> тоже решили ехать в Париж “учиться пению”» (405); Чехов уехал в Ялту, там «написал он прелестный рассказ “Студент”» (406): «Христова правда составляла главное» (406); «Отъезд Лики вряд ли ему нравился» (406). «Вообще же Чехов всю эту осень как-то метался. О Лике не знал ничего. А по-видимому Потапенко, разъезжавший с ним, именно перед отъездом из Парижа Лику и бросил после краткой с ней связи. Этого Чехову, конечно, не рассказал» (407). Чехов мечется: отправился в Таганрог лечить дядю (Митрофана Егорыча), из Таганрога поехал в Феодосию к Суворину, затем в Новый Афон, потом морем в Ялту (407–408); 18 сентября он уже в Вене, вновь Италия (Венеция, Милан) и французская Ривьера (Ницца): «Недоразумения с письмами Лики разрешились в Ницце» (408); «Они всё-таки не встретились» (409); «Он уже всё знал. Всё было и кончено» (409). Третий фрагмент показывает художественный ход Ликиной истории: сначала, «несмотря на все бродажничества этой осени, <...> он успел написать “Три года”. Большую повесть – некая “река времени”» (410), затем: «однако вся эта история в душе и искусстве как бы продолжалась – родила “Чайку” и весь чеховский театр» (410–411). Четвёртый фрагмент выделяет 95-й год в жизни Чехова: «... год оказался годом литературы, и плодотворным: написаны “Убийство”, “Ариадна”, “Дом с мезонином”, но «всё писание Чехова в этом году заслонено “Чайкой”» (411), «Он писал её осенью в Мелихове», «Чтобы так на-

питать всё эросом, надо сильно быть уязвлённым <...> Поэтому и надо считать “Чайку” роковой»; «”Чайку” перечитываешь с волнением» (412); «С “Чайки” начинается театр Чехова <...> он просто в литературе русской *есть* (курсив автора. – А. В.) (413). Далее – премьера 1896 года («удар был жестокий», по мнению Марии Павловны, вместе с которой в театре была и Лика – 414). «Через три месяца у Чехова открылось легочное кровотечение» – «впервые поставлен диагноз» (414–415). Последний, пятый фрагмент главы «Лика, “Чайка”» – Лико-финальный, досказывается жизнь Лики: «В 1902 году <...> вышла замуж за Санина, тогда режиссёра Художественного театра <...> уехали за границу» (415), а в 1937 г. автор-повествователь оказался в парижской больнице, ему сказали, что здесь лежит «чеховская Чайка, перешедшая жена режиссёра Санина <...> Она серьёзно больна. В том же 1937 году Лидия Стахиевна и скончалась» (415).

Пятая глава центральной части называется «Вновь Мелихово» и состоит из четырёх фрагментов. В первом автор-повествователь говорит о новом качестве чеховских шедевров в связи с повестью «Моя жизнь»: «Над “Моей жизнью” веяние Толстого поздней поры <...> “Чайкой” начинался новый театр, “Моя жизнь” определила новую внутреннюю струю писания его: общественную» (416). Второй фрагмент – разговор о чеховских «Мужиках»: «Пронзительность повести состоит в соединении грубости, ужаса даже с чувствами светлыми и высокими. Чувства эти соединены с религией» (417). И в конце получается: «смирненные голоса этих женщин говорят больше чем за самих себя: за всю нищую деревню и Россию» (418). Третий фрагмент показывает жизненную судьбу Чехова после «Мужиков»: «Кончив повесть, он поехал в Москву, как обычно» (419), а там «в Эрмитаже у него хлынула из горла кровь» (419), попал в клинику Остроумова, где навестил его Лев Толстой («медицински неудачное» посещение – 419). «11 апреля, на Страстной, был он уже в Мелихове. Как раз в этом месяце вышла книжка “Русской мысли” с “Мужиками”. Повесть для Мелихова оказалась прощальной, а для жизни Чехова... поворотной» (420). С осени 97-го Чехов за границей: «сперва Биариц, потом Ницца» (зима 97–98 годов – 421). «В общем эта зима за границей много дала ему для здоровья» (422). «Весной вернулся, лето провёл в Мелихове» (422), осенью уехал в Ялту, получил известие о смерти отца Павла Егорыча («он тяжело переживал эту смерть» – 422). «Здравый смысл» подсказывал: «Раз Антону Павловичу нельзя жить на севере, тогда проще всего устроиться с матерью в Крыму» (423).

Четвёртый, последний фрагмент главы – лично-авторский, воспоинальный. «29 июня 1899 года, в 2 часа дня Чехов написал Марии Павловне: “Был сейчас молодой Зайцев <...> Мелихово очень ему понравилось”» (423).

И Б. Зайцев – автор жизнеописания Чехова – вспоминает тот день, когда он был в Мелихове (Чехова не застал – 423), но чеховское – «всё такое понравилось очень» (423). Затем «поклонник» в жаркий, солнечный Петров день отправился к Чехову по московскому адресу: «Но меня вела любовь – быть может, в ней некоторое оправдание» (424). Позже, из письма Чехова от 29 июня, Б. Зайцев узнал, что «в то самое утро, когда я к нему явился, он только что вернулся из Ново-Девичьего» (424) – «Мария Павловна продала Мелихово тем же летом. Но не нам» (424).

Последняя треть книги также состоит из пяти глав. В первой главе «Художественный театр» – три фрагмента/субглавки. «Началось всё это с малого, а получилось большое» (424) – афористически ёмко начинает Б. Зайцев свой рассказ о Московском Художественном театре: «Его образ есть образ всех дел, движимых увлечением, преданностью и талантом» (425). Только на таком фоне можно продолжать повествование о встрече Чехова и Художественного театра: «Чехов знал и Алексеева-Станиславского, и Немировича <...> в их театр поверил, сразу дал свой пай» (425) <...> «Немирович знал “Чайку”, очень ценил и хотел её для театра» (425). Немирович-Данченко преодолел и «нежелание Чехова и непонимание Станиславского» (425). 9 сентября 1897 г. Чехов приехал в театр, ему представили актёров и актрис: «Ольгу Леонардовну Книппер с большим женским обаянием» он запомнил сразу (426). Из Москвы уехал в Ялту 14-го, и автор-повествователь сообщает читателю, что он «отца уже никогда больше не увидит, что Ялта станет всегдашним его пристанищем, а молоденькая актриса Книппер последним прибежищем» (426). Чехов был ослеплён Ириной-Книппер в «Царе Фёдоре». Постановка «Чайки» стала «событием»: «”Чайку” играли молодые актёры, зрители были их же породы, и друг друга они поняли <...> Мы все пребывали на этой “Чайке” в первый же сезон и для нас она оказалась событием» (427). «”Чайка” прошла с триумфом» (428). «Всё это происходило именно в России» (428). Вторая субглавка – сюжет с «Дядей Ваней»: вернулся к «Лешему» (осень 89-го), переписал (конец 96-го) – «написано возросшим человеком» (429). Зайцевский анализ пьесы удивительно тонкий, проникновенный: «Две линии идут в “Дяде Ване”, они связывают пьесу с прошлым Чехова и будущим его» (429); «В “Дяде Ване” есть черты, волнующие всякое незабываемое сердце <...> В “Дяде Ване” есть именно утешение и любовь» (431). В театре (премьера 26 октября 1899-го) «успех был большой, и опять Чехов сидел в одиночестве в своей Ялте – слава лишь доносилась» (431). Третий фрагмент поднимает проблему встречи Чехова и Художественного театра на культурно-национальный, эпохальный уровень: «Нужно было им встретиться – встретились. И определили собою эпоху» (432).

Место действия следующей главы – «Ялта». «Я зимою в Ялте» (2 января 99-го), «Я купил себе участок в Верхней Аутке» (5 января 99-го – 432). «Гул славы в Ялту доносился», «Дом строился быстро и благополучно» (433), «и постройка, и возня в саду развлекают» (434). А вот и сам Автор жизнеописания Чехова: «Полвека назад мне пришлось побывать в этом доме. Я видел только кабинет Антона Павловича и самого хозяина» (434); «вечный образ старшего писателя, к которому притекает новичок – на этот раз уже не лжепокупатель» (434). Заканчивается первый фрагмент, казалось бы, неожиданным рождением из одиночества и «безмолвия» повести «В овраге» – «украшение нашей литературы» (435). Весь второй фрагмент главы посвящён повести «В овраге»: сначала литературный фон – Суворин, «Новое время», либеральные журналы «Русская мысль», «Русские ведомости», марксистская «Жизнь», где и появилась повесть. «О ней Горький написал восторженную статью» (437). Б. Зайцев даёт свою эстетическую, духовную интерпретацию чеховского текста: «Предтеча повести этой, конечно, “Мужики”, Но тут взято ещё острее, ближе и написано ещё совершенней <...> Но наверху побеждает Липа» (437); «И тут, под русским небом, в тишине звёзд наших происходит разговор, возводящий к Священному Писанию (хотя о Писании этом не сказано ни слова) <...> Собственно, начинается уже книга Иова» (438); «Это и есть конец этой удивительной повести, которая начинается дьячком, съевшим всю икру, а кончается словом “крестились” <...> Чехову дано было написать в этой Липе с младенцем почти видение евангельского оттенка» (439). Третий фрагмент главы – Художественно-театральный. Художественный театр на гастролях в Севастополе и Ялте: «Гастроли сошли отлично <...> Для Чехова, помимо того, что тут рядом Книппер, всё это было большим развлечением» (441); «В Ялту съехались и писатели <...> Труппа играла в Ялте в конце апреля <...> Книппер помогала уже Марии Павловне по хозяйству» (442); «пьесу свою “Три сестры” Чехов начал не позже июля (лучшая роль в ней для Книппер <...> этим летом сама Книппер оставалась в Крыму» (443).

Естественно, следующая глава так и называется «О любви. Книппер» и состоит из трёх субглавок. Первая – жизненное введение в чеховский рассказ «О любви» (август 1898): сердечная история с Ликой (время первого *оставшегося* (курсив автора. – А. В.) сердечного следа – 443), сюжет с Авилевой («клиния тоски по любви» – 444) – «самой же ей рассказ просто пронзил сердце» (444). «Есть тоска по любви и в “Даме с собачкой” (99-й год), прелестном ялтинском порождении, вполне именно ялтинском. Выход дала жизнь» (445), – завершает Б. Зайцев этот фрагмент, ещё и вспоминая *своего* (курсив мой. – А. В.) ялтинского Чехова. Второй, центральный фрагмент главы продолжает линию «О любви» и «Книппер». На-

чинается она опять-таки личностным признанием Автора: «Ольгу Леонардовну Книппер хорошо помню и по театру, и по московскому Литературному кружку, после смерти Чехова» (445). С высоты современности повествователь видит, показывает и объясняет главное во взаимоотношениях Чехова и Книппер: «Она художнически его возбуждала <...> “Три сестры” в некоем смысле написаны в честь Ольги Леонардовны Книппер» (446); «В октябре Чехов кончил пьесу, повёз её в Москву» (447); «В декабре Чехов уехал из Москвы в Ниццу» (447); «На письма Чехова к Книппер нередко нападают», но «любви, сердца, нежности, беспокойства здесь очень много» (447). «31 января 1901 года “Три сестры” вышли в публику» (448), «До весны 1901 года “Три сестры” прошли всего несколько раз <...> Только через три года по-настоящему дошли они до публики <...> “Три сестры” и должны были победить большую русскую публику» (448). «Вообще вся неотразимая меланхолия Чехова, его подспудное и внеразумное разлито в пьесе ненамеренно – и оно-то её возносит» (449); «Это была пьеса оркестровая, как всегда у зрелого Чехова, <...> но всё же оправдала рождение своё в месяцы разгара его любви: Книппер и любовь на первом в ней месте» (450) – вот такой изящный конец фрагмента. А третий фрагмент уже открыто поахивает жизненным финалом: «В конце мая написал он матери: “милая мама, благословите, женюсь. Всё останется по-старому. Уезжаю на кумыс”» (450). На кумыс съездили, вернулись, «в Ялте здоровье Антона Павловича сразу ухудшилось» (451). «3 августа 1901 года он написал Марии Павловне письмо-завещание» В конце: «Помогай бедным. Береги мать. Живите мирно» (451).

Следующая, предпоследняя глава жизнеописания «Чехов» – «Архиерей», второе в названиях глав чеховское произведение, которое закономерно выводится Автором на высший план повествования. Единственным из всех эта глава имеет эпиграф: «Прекрасное свободно / Оно медленно и тайно зреет. Жуковский (Шиллер)» (451). Эпиграф концептуален как по содержанию, так и по форме. Б. Зайцев показывает, как вызревает в творчестве Чехова замысел «Архиерея»: «В апреле 1902 года <...> появился, наконец, в 40-м номере “Журнала для всех”» (452), и объясняет читателям своеобразие развития Чехова как художника и человека: «Всю жизнь внутренне его развитие шло по двум линиям – в разные стороны» (452). С одной стороны, «материализм доктора Чехова» (452) – поддержка в среде левой интеллигенции, «а главное – в нём было нечто подземное совсем в другом роде» – «Это был несознанный свет высшего мира, царства Божия, которое «внутри вас есть» (453) – «Архиерей ... есть свидетельство зрелости и предсмертной, несознанной просветлённости» (453). Весь первый фрагмент пронизан светом и духом зайцевского проникновенного аналитизма, понимания чехов-

ского художественного шедевра, образа преосвященного Петра в целостности и движении: «Шёл он, конечно, просто к Богу» (454). Во втором фрагменте Б. Зайцев пишет о месте «Архиерея» в чеховских повествованиях о духовенстве («почти вовсе нет обликов отрицательных» – 454) и о росте его значимости: «Рассказ этот, истинный шедевр, доходил медленно и всё же, как неторопливо создавался, так не спеша и завладевал, чем дальше, тем глубже» (455).

И вот пошла последняя глава жизнеописания «Чехов» – «Последнее путешествие», название которой и метафорично, и символично. «Мотив путешествия, странствия пронизывает всё зайцевское творчество»⁹, – писал О. Н. Михайлов. «Возраст будто и невелик, а жизнь прошла. Она слишком быстро шла, событий в ней мало, но Чехов был человеком раннего развития и усиленного старения <...> В вопросах вечных: Бог, смерть, судьба, загробное – зрелость не принесла ни ясности, ни решения. Как был он двойственен, так и остался до конца» (455), – открывает автор-«летописец» эту последнюю главу своего повествования. Она состоит из четырёх фрагментов, как и завершающая вторую часть текста глава «Вновь Мелихово». Автор, как обычно, упоминает и «мелкие события» (455), но останавливается подробно на «первостепенных»: «В жизни этой любовь и литература» (455); «Любовь странно для него теперь сложилась» (456), и первый фрагмент рисует «странности» отношений с Ольгой Леонардовной: «Без всякой связи с предыдущим: – Пора, видно, кума, помирать» (457). – шемпящий конец фрагмента. В центре второго фрагмента история последней пьесы Чехова «Вишнёвый сад»: «выросло воистину прощальное произведение» (457); «его мнения о “Вишнёвом саде” удивительны <...> странно относился он и к самим ролям. Считал, например, что всё держится на Лопахине <...> Лопахин никак не удался, а пьеса не провалилась» (458); «В общем получилась пьеса расставания» (459). И фрагмент показывает картину посещения Чеховым литературного общества «Среда», данный глазами автора-повествователя, свидетеля события, и премьеру «Вишнёвого сада» в Художественном театре 17 января 1904 г.: «Всё прошло пышно и торжественно, как похороны» (460). Третий, маленький фрагмент звучит как репортаж о «последнем путешествии» («Баденвейлер – курорт в Шварцвальде, недалеко от Швейцарии» – 460), последнем лете Чехова («было страшно жаркое лето» – 460): «Тяжело ему приходилось. И всё хотелось уехать <...> А смерть поступала, как ей нравилось <...> Он понял, что пришла. Выпил бокал шампанского, как велел доктор, отвернулся к стене, сказал доктору тихо / – Ich sterbe. / И умер» (461).

Последний, четвёртый фрагмент последней главы «Последнее путешествие» даёт картину возвращения Чехова домой, в Россию, в Москву, в Новодевичий, к отцу, «к Павлу Егоровичу».

Причём весь фрагмент видится «глазами» автора-повествователя, который вместе с женой едет «на Николаевский вокзал встречать гроб Чехова»: Чехов «возвращался в родной город» (461), «Встречать его на вокзале собрались средние русские люди <...> только те, кто просто, сердцем любили его» (461), «Помню и сейчас чувство, с каким поддерживал гроб, когда выносили мы его с Николаевского вокзала на площадь» (461); «Путь был далёкий, через всю Москву, в Новодевичий монастырь, к Павлу Егоровичу» (462); «Этот день так и остался неким *странствием* (курсив мой. – А. В.), долгим, прощальным, но и светлым очищающим – само горе просветляло» (462).; «У Художественного театра служили литию <...> В Новодевичьем зелень блестела, перезванивали колокола» (462); «это и был уход от нас Чехова, *упокоение* (курсив мой. – А. В.) его в том Новодевичьем, куда он уходил из клиники, выздоравливая, стоял скромно у стенки в храме, слушая службу и пение новодевичьих монашенок» (462). В финальном абзаце последней главы отчётливо просвечивает художественная «телеология», авторская концепция «жизнеописания» «Чехов» – «философии жизни», духовного пути русского писателя, его жизненного «странствия» и «упокоения» в родной земле.

Показательна в этом плане и композиция чеховского «жизнеописания». Зайцевская книга состоит из 15 озаглавленных, но не пронумерованных глав, так что число (пятнадцать) предстаёт внутренней, скрытой мерой повествования, имеющей, тем не менее, свой глубинный, сокровенный, мифопоэтический, художественный смысл. 15 можно представить как 1 + 5, т.е. 6, а по М. М. Маковскому, «число “шесть” является символом сотворения Вселенной, жизненной силы, борьбы добра со злом»¹⁰. Вместе с тем композиция «Чехова» зримо делится на три части по пять глав каждая. На этом уровне – «число “пять” – это символ союза (в частности, брачного), символ центра, середины, а также гармонии и равновесия, порядка, совершенства, божественной силы»¹¹, «тройка» – «символизирует божественный Разум, духовный порядок, гармонию микро-макромиров, совершенство, небо»¹².

Динамична и гармонична и внутриглавная структура «жизнеописания», духовной драмы Чехова. Каждая глава состоит из нескольких субглавок/фрагментов: самыми частотными являются трёхфрагментные главы, их семь («В пути», «Сахалин», «Отдых», «Первый год Мелихова», «Художественный театр», «Ялта», «О любви. Книппер»), затем идут четырёхфрагментные главы – их четыре («Доктор Чехов», «Рост, первая слава», «Вновь Мелихово» и «Последнее путешествие»), пятифрагментных глав – три («Даль времён», «Труба» и «Лица. “Чайка”»), двухфрагментная глава – одна («Архиерей»). Всего в 15 главах 54 субглавки: интегральное число – 9 (5 + 4). «Число “девять” – символ Вселенной,

трёх миров <...> символ единства <...> целостности»¹³. И на этом глубинном композиционном уровне у Б. К. Зайцева продуманный, выразительный композиционный порядок: 54 внутриглавных фрагмента выстраиваются в трёх частях в последовательности: 21 – 18 – 15, воссоздавая образ повествовательной «пирамиды» с интервалом в композиционную «тройку», символ «гармонии микро- и макромиров»¹⁴.

Примечания

- ¹ См.: Цуканов А. Зайцев Б. К. «Жизнь Тургенева», «Жуковский», «Чехов» // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940 : в 3 т. Т. 3. Книги. М. : РОССПЭН, 2002. С. 219–221, 228–229, 229–230.
- ² См.: Степун Ф. Борису Константиновичу Зайцеву – к его восьмидесятилетию // Зайцев Б. Собр. соч. : в 5 т. Т. 5. Жизнь Тургенева. Романы-биографии. Литературные очерки / сост., автор примеч. Т. Ф. Прокопов. М. : Русская книга, 1999. С. 3–17
- ³ См.: Михайлов О. Зайцев (1881–1972) // Литература русского зарубежья. 1920–1940. Вып. 2 / отв. ред. О. Н. Михайлов. М. : ИМЛИ : Наследие, 1999. С. 31–50.
- ⁴ См.: Толмачёв В. Б. К. Зайцев // Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918–1940 : в 3 т. Т. 1. Писатели русского зарубежья. М. : РОССПЭН. 1997. С. 169–172.
- ⁵ См.: Яркова А. Книга Б. К. Зайцева «Жизнь Тургенева» : особенности поэтики // Проблемы изучения жизни и творчества Б. К. Зайцева. Вторые Международные Зайцевские чтения / редкол. : А. П. Черников (отв. ред.) [и др.]. Калуга : Гриф, 2000. С. 76–79.
- ⁶ См.: Драгунова Ю. А. Чехов и Б. Зайцев : творческие связи // Творчество Б. К. Зайцева в контексте русской и мировой литературы XX века. Четвёртые Международные научные Зайцевские чтения. Калуга : Калуж. обл. ин-т повышения квалификации работников образования, 2003. С. 212–223.
- ⁷ См.: Минаева И. Б. К. Зайцев об А. П. Чехове : автор-мемуарист в художественной биографии // Там же. С. 223–229.
- ⁸ Зайцев Б. Чехов // Зайцев Б. Собр. соч. : в 5 т. Т. 5 М. : Русская книга, 1999. С. 331. Далее ссылки в тексте даются по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- ⁹ См.: Михайлов О. Указ. соч. С. 33.
- ¹⁰ Маковский М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. Образ мира и миры образов. М. : Гуманитар. изд. центр «ВЛАДОС», 1996. С. 391.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же. С. 390.
- ¹³ Там же. С. 392.
- ¹⁴ Там же. С. 390.

Поступила в редакцию 30.08.2021, после рецензирования 06.09.2021, принята к публикации 13.09.2021
 Received 30.08.2021, revised 06.09.2021, accepted 13.09.2021